

КУЛЬТУРА ПОЛИСА
УДК 27/58:001.818
ОНР

ТРОИЦКИЙ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ

Дом А. Ф. Лосева
Россия, г. Москва

ИМЯСЛАВСКИЕ СПОРЫ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ¹

История споров о почитании Имени Божия во многом привлекательна и важна. Само их зарождение пришлось на „междубурье” (С.Н. Дурылин), чрезвычайно трудное и судьбоносное время меж двух революций в России. Тогда неотвратимо надвигались Первая мировая война, а затем и Октябрьский переворот, но вместе с тем это было время известного культурного взлета. Многие творцы серебряного века так или иначе участвовали в дискуссиях вокруг „Афонского дела”. И это не случайно: спор так называемых имяславцев и имяборцев затрагивал подлинные первоосновы христианского миропонимания, выдвигал важнейшие вопросы о соотношении тварного и творящего начал в мире, о границах возможности общения человека с Богом. Все это не могло не увлечь многих представителей русской религиозно-философской мысли. Разумеется, на коротком (в историческом масштабе) отрезке времени, который был отпущен на дискуссию, ничего окончательного совершиться не могло. Не получила сколько-нибудь ясного разрешения и сугубо церковная дилемма: почитание Имени Божия – новый догмат или новая ересь?

Интересно, что на разных этапах спора разнообразно и всякий раз своеобразно проявлялись отношения науки и религии, науки и христианства. Они и составят непосредственную тему нашего рассмотрения. Данный предмет разработан пока еще столь мало и вместе с тем столь обильны и почти всегда значительны факты, события и мнения, связанные с дискуссией об Имени Божием, что придется ограничиваться общей постановкой и весьма кратким очерком вопроса.

Наше рассмотрение будем проводить на фоне некоторой периодизации, тут же и вводимой. В истории спора о почитании Имени Божия есть основания выделять три качественно отличающихся периода с весьма разным составом участников.

Первый период – 1907–1918 гг. Начало его фиксируется выходом в свет книги схимонаха Илариона „На горах Кавказа”, послужившей первоисточником споров. Они заметно утихли где-то возле рубежа между прерванным Поместным Собором (середина 1918 г.), на котором среди прочих насущных вопросов Церкви должно было рассматриваться „Афонское дело”, и гибелью одного из самых активных участников „дела” иеросхимонаха Антония (Булатовича) в 1919 г. Основными действующими лицами на этом этапе были поначалу простые монахи из монастырей на Святой горе Афон (здесь и зародилось разделение на имяславцев и имяборцев) и, в менее активной форме, братия ряда монастырей России. Потом к ним присоединились богословы и философы двух российских столиц. Среди поддержавших имяславие оказались, в частности, С.Н. Булгаков, о. Павел Флоренский, В.Ф. Эрн, М.А. Новоселов. Полемика выплеснулась на газетные и журнальные страницы, с той и с другой стороны публиковались многочисленные критические статьи и даже книги. Конфликт, весьма бурно и скандально развивавшийся на Старом Афоне, вызвал осуждение Св. Синода. В конце концов к монахам-имяславцам как зачинщикам церковного нестроения были применены определенные репрессии.

Своеобразный итог этого периода и одновременно лаконичные формулировки самой проблемы давало „Обращение исповедников Имени Господня к суду Священного Собора”, датированное августом 1918 г. Констатируя, что „наступает давно

¹ Предварительный вариант данной работы излагался на Двенадцатых Международных Рождественских чтениях (конференция „Христианство и наука”, физический факультет МГУ) в январе 2004 г.

ожидавшийся час соборного рассмотрения происшедшего на Св. Горе спора”, имяславцы формулировали основные вопросы к Собору и выдвигали свой ответ на эти вопрошания: „Имя Господне дано нам как средство для реального соприкосновения в молитве с самим Богом, как луч Его Божественного света для озарения нашей души” (цитируем по недавно опубликованному материалу из архива о. Павла Флоренского)².

Поначалу представители той и другой стороны спора обходились без научной и философской аргументации, в дело шли цитаты из Писания, высказывания святых отцов Церкви и сведения из церковной истории (проводились, в частности, аналогии с иконоборчеством в Византии и борьбой с ересями в период Вселенских Соборов). В дальнейшем, с подключением к дискуссии философов, различие в позициях имяборцев и имяславцев получило определенный перевод на язык известного в истории мысли соотношения номинализма и реализма (характерны в этой связи работы С.В. Троицкого, с одной стороны, и В.Ф. Эрнэ – с другой), а вместе с тем и глубокую философскую интерпретацию с привлечением представлений об энергии и сущности (при апелляции к паламизму). Уже здесь наметилась тенденция видеть за перипетиями богословского спора некоторый нетеологический, светский, по внешности, поворот сюжета – к необходимости пересмотра фундаментальных представлений о слове и языке. Построения русских философов все дальше уклоняются от сосюринанской условности языкового знака, все ближе они к пониманию энергийности слова по Гумбольдту и Гете. Имяславский спор и его рецепции, несомненно, совпали с ростом интереса к проблемам знака и символа. Напомним, что именно в это время крепнет символизм как культурное движение (рассмотрение имяславия и символизма как двух сообщающихся явлений в истории России начала XX в. – тема, которую здесь можно только указать и анонсировать как важную исследовательскую программу).

Второй период охватывает 1918–1930 гг., когда проблематика споров об Имени Божием могла обсуждаться – в условиях гонений на верующих со стороны новой власти и наметившегося

² Хроника афонского дела (составлено С.М. Половинкиным) // Имяславие. Антология. М., 2002. С. 509.

раскола в Русской православной церкви – уже только в рамках полулегальных и нелегальных кружков. Наиболее известные в Москве сторонники имяславия собирались на квартирах Г.А. Лемана, Д.Ф. Егорова, Лосевых. Окончание этого периода определили аресты имяславцев, как философствующих, так и монашествующих (они преследовались уже не за „чуждые теории”, а просто как православные и враги Советской власти) в Москве и некоторых других городах центральной России, а также на Кавказе. Период знаменуется оформлением нескольких версий философии языка в виде „философии имени” о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова и А.Ф. Лосева (монаха Андроника). Сказать, что указанное разделение номинализм / реализм здесь сохранилось, было бы не вполне точным. Вернее говорить о смысли этих „философий языка” с теми построениями, характерными для Средних веков, которые определяются как концептуализм (понимание общего и вне, и в вещи, причем „истинно общее” есть Бог, ибо за всяким словом стоит Слово). Кроме книги 1927 г. „Философия имени” А.Ф. Лосева, прочие работы по „философии имени” увидели свет со значительной задержкой. Уже в наши дни (в третьем периоде) были опубликованы труды П.А. Флоренского, или несколько раньше, но в условиях эмиграции и без особых надежд на появление последователей появились работы С.Н. Булгакова и оставшийся практически неизвестным трактат архимандрита Евфимия, опубликованный в отрывках³. Кроме новых идей в лингвистике, языкознании и собственно философии языка, создатели „философии имени” развивали идеи диалектической логики и исследовали проблемы антиномизма. Особенно это характерно для А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского. Показателен уже по использованной терминологии упрек последнего к имяславцам на Кавказе: „Синод разделяет то, что нераздельно, а вы хотите слить неслиянное”⁴. Привлекали теоретики имяславия и математические соображения и аналогии, в частности, из теории бесконечных множеств. Можно привести любопытный пример по данным архива А.Ф. Лосева: такова попытка рассмотреть основные положения классической монографии И.И. Жегалкина

³ *Архимандрит Евфимий. Relatio Religiae* // Начала. 1994. № 1. С. 52–59.

⁴ Священник Павел Флоренский. Сочинения: В 4 т. М., 1999. Т. 3 (1). С. 363.

„Трансфинитные числа” с позиций имяславия (рукопись в печати в одном исследовательском сборнике⁵). У того же Лосева отыскивается и общее требование привлечения (наряду с „опытно-мистическим” и „философско-диалектическим” уровнями) еще и „научно-аналитических” методов в качестве составной части имяславия⁶, что в известной мере итожит поиски данного периода.

Наконец, третий период, который наступил после известного перерыва, – с конца 1980-х гг. и по настоящее время, когда работали и продолжают свою деятельность три-четыре группы исследователей (в основном историков философии), объединенных вокруг творческого наследия П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева. К этой работе присоединились и церковные историки; здесь особенно укажем сводку „Забытые страницы русского имяславия”⁷ и, в определенном отношении дополнительности к ней, двухтомное исследование епископа Илариона (Алфеева) „Священная Тайна Церкви” (СПб., 2002). Нетрудно видеть, что прежняя полемика явственно возрождается благодаря прежде всего архивным публикациям и неизбежным поискам новых „за и против”.

Кроме того, „после перерыва” прошло действительно много времени, а потому выяснилось, что старые имяславские споры, оказывается, предвосхитили многие новые идеи, живо обсуждаемые в современном научном сообществе. Таковы проблемы синергичности (в том числе – в гуманитарном развороте – диалогичность слова) и потребности в дальнейшем развитии диалектической логики, о которой мы уже говорили в связи со вторым периодом (приведем для примера бурно развивающуюся ныне так называемую формальную феноменологию⁸). Обращают на себя внимание также новые тенденции в языкознании, которое тоже открыло для себя вопросы, четко поставленные во втором из указанных периодов – имеется в виду парадигма „нового реализма”, разрабатываемая группой акад.

⁵ Троицкий В.П. Имяславие и теория множеств (опыт медленного чтения одной рукописи из архива А.Ф. Лосева) // Культурное наследие России: универсум религиозной философии. Уфа (в печати).

⁶ Лосев А.Ф. Имяславие // Личность и Абсолют. М., 1999. С.234–238.

⁷ Забытые страницы русского имяславия: Сборник документов и публикаций по афонским событиям 1910–1913 гг. и движению имяславия в 1910–1918 гг. / Сост. А.М. Хитров, О.Л. Соломина. М., 2001.

⁸ Васюков В.Л. Формальная феноменология. М., 1999.

Ю.С. Степанова⁹. Характерно, что в этой группе есть исследователи, сознательно изучающие историю имяславия.

Важный пример дает творчество известного математика и философа А.Н. Паршина, который строит свою философию языка, целенаправленно отталкиваясь от интуиций имяславия и двигаясь тем самым от веры к науке. Он, в частности, разрабатывает новые представления о фундаментальных „древесных” структурах (так ставится и отчасти решается вопрос о вместилище, о „где” языка) и световой природе слова, при этом указываются квантовомеханические аналогии для слова как явления макромасштаба¹⁰.

Как бы ни развивалась богословская, внутрицерковная судьба проблем, поднятых в имяславских спорах, сейчас мы можем с уверенностью констатировать: наука не только активно участвовала на всех этапах их истории, но и неизменно обнаруживала для себя перспективные темы и направления. Имяславие – теперь это очевидно – тоже находит новых исследователей, критиков и продолжателей.

⁹ Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998 (раздел „Система и Текст”).

¹⁰ Паршин А.Н. Путь. Математика и другие миры. М., 2002. С. 78–86, 98–99, 213–214, 217–236.